

Артисты и факты. - 2000.
~23 (июнь). - с.3

Галина Волчек. Песня о настоящем Олеге

личность

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ руководитель театра "Современник" Галина Волчек училась у Олега Ефремова. Сначала в Школе-студии МХАТ, затем в театре. У них были разные периоды во взаимоотношениях. И тем не менее Волчек - одна из немногих, кто действительно знает, каким был Ефремов...

- В ночь на девятый день после его смерти я проснулась в половине пятого утра. Было такое ощущение, будто в меня вонзили тысячи иголок. Я открыла глаза - и первое, что увидела, было лицо Олега. Наверное, это его душа в последний раз облетала своих учеников.

Для меня он был не просто учитель, педагог. Это был друг, близкий человек, с которым мы почти не расставались. Помню, накануне дипломного спектакля я, как дисциплинированная артистка, решила пораньше лечь спать. И вдруг ночью - телефонный звонок Олега: "Ну что, спишь?" Я, уверенная, что все делаю правильно, отвечаю: "Сплю". "Ну и зря. Думаешь, ты хорошая артистка? Да ты не артистка, а говно", - сказал он и повесил трубку. Я всю ночь проплакала. А на следующий день, когда после спектакля Ефремов подошел и поцеловал меня, спросила, зачем он меня так назвал ночью. "Если бы я тебя так не назвал, ты бы крепко спала и сегодня так не сыграла", - ответил Олег.

...Непредсказуемым

ОН был абсолютно непредсказуемым человеком. Когда запретили спектакль "Большевики", кто-то сказал, что единственный, кто может нам помочь, - это Демичев. Но связаться с ним можно было только по "вертушке". Не раздумывая ни минуты, Олег схватил меня с автором пьесы Михаилом Шатровым, и мы побежали к заместителю министра культуры, в кабинете которого была "вертушка". Позвонив по ней, попросили Демичева принять нас. Идя по коридору Минкульта, Олег заметил, что в приемной министра Екатерины Фурцевой никого нет. Оказа-

лось, что Екатерина Алексеевна в соседнем зале поздравляла с ноябрьскими праздниками чиновников министерства. Тогда я помадой, так как ни карандаша, ни ручки не оказалось, написала на белом листе: "У нас катастрофа", - и подсунула его под дверь. Фурцева вышла к нам, позвонила в Главлит и добилась разрешения играть спектакль.

Как все это удавалось Олегу? Не знаю. У него было, что называется, принудительное обаяние. Его улыбка... Каждый раз я ловила себя на том, что, даже сердясь на него, во всем винила кого угодно, только не Олега. Хотя виноват мог быть как раз Ефремов. Рассуждала, как героиня нашего спектакля "Крутой маршрут", которая обвиняла всех, кроме Сталина: "Он ничего не знал, он не мог ничего знать". (Я ни в коем случае не сравниваю Олега Николаевича со Сталиным, я себя сравниваю с этой героиней.) Даже когда я испытывала от Олега обиду - а таких случаев, конечно же, было немало, - его улыбка могла снять все.

- А он был модником?

- Нет, никогда. Когда мы учились в Школе-студии МХАТ, он ходил в оранжевом шарфе и шляпе, которую взял у Николая Ивановича, отца, и категорически отказывался их

снять. В конце концов мы с Игорем Квашой улучили момент, взяли эту шляпу с шарфом, порезали их ножницами и спустили в туалет. А когда мы были в Голландии, я отобрала у Ефремова все деньги и купила ему только-только входящий в моду джинсовый костюм. Он орал, брыкался, но все-таки надел его и был таким красивым...

Олег заражал всех своей силой, уверенностью. Рядом с ним было не страшно. Его мужество было заразительным, потому что он и сам ничего не боялся. На одном из приемов, например, подошел и сказал Фурцевой: "Вы - шлагбаум на пути советского искусства". "Вы пьяны, Олег Николаевич", - ответила министр. "Конечно, - согласился Олег. - Если бы я был трезвый, я бы вам этого не сказал". К чести Фурцевой, после этого она не изменила своего доброго отношения к Ефремову.

Его непредсказуемость проявлялась и в каких-то несерьезных поступках. Как-то мы сидели за столом, и я что-то такое сказала, мол, как вы можете есть из одной чашки. "Ах, ты такая брезгливая?" - спросил Олег. - Мы сейчас тебя на верность-то и проверим". С этими словами взял кусок сахара, пустил его по кругу, заставив всех сидящих за столом его облизать, а потом дал мне. И... я его съела.

...Жестоким

ОН был вождь, который ради дела мог быть жестоким. На все ли он был готов ради театра? Наверное, да. К профессии он относился фанатично. Если по дороге к намеченной цели надо было что-то ломать - он ломал. Было ли это оправданно? Не знаю. У каждого свой путь. Ефремов был таким, каким он был, и в этом его уникальность.

На поминках по Олегу мы с Лилей Толмачевой вспоминали, как снимались в "современниковском" фильме "Строится мост". Ефремов был чем-то недоволен, то и дело заставлял

снимать новый дубль. И вот в перерыве сидим мы с Лилькой измученные в каком-то душном углу (а мы ведь по вечерам еще и в театре играли), и я у нее спрашиваю: "Как ты думаешь, если мы умрем, он придет на наши похороны?" "Ну, это смотря какая репетиция будет", - ответила Толмачева. Но в то же время, когда на одной из репетиций артист Заманский разбил себе голову, на глазах Олега появились слезы.

- Ефремов знал себе цену?

- Безусловно. Через нас, через зрителя понимал, кто он. Но при этом оставался очень естественным человеком. Он был огромным артистом, недоигравшим в своей жизни что-то очень существенное. Олег мог сыграть все. Но отдавал себя в руки сильного режиссера очень редко, предпочитая сам и ставить, и играть. А совмещать две профессии невозможно.

- Его уход во МХАТ был для вас неожиданностью?

- Конечно. Но он так часто пугал нас, что уйдет из "Современника", что мы не воспринимали его угрозы всерьез. Когда однажды к нам в театр, еще на Маяковку, пришел Солженицын и спросил, правда ли, что Олег хочет уйти, я его успокоила, сказав, что это не в первый раз. Кажется, Олег и сам не ожидал, что все так закончится. Когда решение о его назначении во МХАТ было принято и он пришел, чтобы сообщить его нам, то был весь белый. Было ли это предательством? Никто из нас не то что сказать, но и подумать так в его адрес

не мог. Мы не прекращали общаться, даже когда он нанесил нам самые сильные удары - уводил во МХАТ Евстигнеева, Табакова, Мягкова, Щербакова. Я обвиняла в этом кого угодно, но только не Олега. Да и он виноватым себя не чувствовал. По крайней мере тогда. Хотя, приходя к нам в театр, иногда говорил: "Да, вот у вас это возможно". А Оля Аросева после разговора с Олегом на кремлевском приеме 9 мая этого года рассказала мне, что он сказал ей: "Ну что ж, Галя оказалась права. Она сохранила театр".

Тот кремлевский прием был нашей последней встречей. Я несколько раз подходила к Олегу, приглашала его за наш стол. Но он отказался: "Мне сейчас не хочется публичности".

К нам Олег Николаевич приходил нечасто. Я тоже у них бывала нечасто. И дело здесь вовсе не в дефиците времени. Думаю, ему было не просто приходиться в "Современник". И мне непростой приходиться во МХАТ. Помню, с какой неохотой я пошла на какую-то конференцию, посвященную 100-летию МХАТа. Даже сказала Олегу, что не пришла бы на нее и за миллион долларов, но сделала это только ради него.

...Разным

МОЕ отношение к идее Розова дать "Современнику" имя Ефремова? Это долгий разговор. Во-первых, идеологи, прожившие вокруг Олега тридцать лет, утверждали, что прежний "Современник" с его уходом умер. И они правы. Если бы театр остался тем же, каким был при Олеге, то наминал бы четырнадцатилетнего ребенка, который дожил до 45 лет и не изменился. Во-вторых, Олег не работал в этом театре 30 лет. И, придумывая название "Современник", наверняка не предполагал, что рядом со словом "Современник" будет другое, даже самое прекрасное слово.

Знаете, в юности у меня был любимый кинорежиссер Ромм. И мне было очень обидно, что в Москве нет улицы его имени. А потом я поймала себя на мысли: "Разве и Шукшин, и Тарковский не имени Ромма? Они же его ученики". Так и каждый из нас - тот, кто верен школе Ефремова, его мировоззрению, - может сказать, что он - имени Ефремова. А главное, чтобы наш театр оставался живым. Это будет лучшим памятником Ефремову.

Ефремов был разным. Не дай Бог, если его личность, о которой нельзя судить однозначно, начнут покрывать бронзой. Не зря же любимым писателем Ефремова был Чехов, доказавший, что нет хороших или плохих людей.

Игорь ИЗГАРШЕВ